

Положение Жанны ухудшалось. Тюремщики становились все более невыносимыми. «Святые отцы», приходившие ежедневно в целях «увещевания», доводили до обмороков.

Жанна боролась с подлинным героизмом. Она продолжала упорствовать. Ее дух не был сломлен. Но силы не выдержали. В середине апреля она тяжело заболела.

...Узнав, что девушка не может подняться с постели, мэтр Жан Эстиве явился к ней в камеру. Он был крайне раздражен.

— Подлая тварь! Наверное, обожралась селедками или иной дрянью!

Обвинителю было известно, что за день до этого монсеньер Кошон по случаю христианского праздника прислал заключенной рыбу. Это была подозрительная щедрость: девушку морили голодом. Хотел ли епископ ее отравить? Он сильно устал от процесса и не видел ясных перспектив. Быть может, смерть подсудимой в тюрьме показалась ему легким и естественным выходом.

Англичане смотрели на это по-другому. Лорд Варвик, крайне обеспокоенный, затребовал двух докторов медицины.

— Ее надо вылечить во что бы то ни стало. Она слишком дорого стоила королю, чтобы умереть без приговора суда.

Жанну одолевала лихорадка. По временам девушка теряла сознание. Образы прошлого непрерывно посещали ее.

Она видела родителей: строгое лицо отца, печальное — матери. Мать пристально смотрела на нее и качала головой, будто сокрушаясь. Чем она озабочена? О чем скорбит? Ее дочь не изменит себе, она останется такой же, как была всегда.

...Безбрежную гладь неба прорезал силуэт высокой башни. И вот она уже там. Она узнает ступени, узкие и щербатые, поросшие травой. Как долгие подь-